

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

UDC 81'37
LBC 81.053.1

Submitted: 28.06.2024
Accepted: 16.09.2024

SEMANTIC SYNCRETISM AS A REGULATOR OF DYNAMIC STABILITY IN THE LEXICAL SYSTEM OF A LANGUAGE

Marina Vas. Pimenova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract. The article aims to describe the peculiarities of historical evolution in the lexical-and-semantic system of the Russian language stipulated by the development of the phenomenon of syncretism – formal substantive linguistic asymmetry, which is noted to be insufficiently studied. The linguistic nature of a special lexical-and-semantic category (syncretsemia) reflecting the “insoluble” semantic syncretism is demonstrated. Doubt is expressed in the correctness of the “straightforward” model of semantic evolution presented by language historians as an axiom. It is argued that syncretism predetermines the development of lexical meaning in a “spiralwise” direction: syncretism – its transformation/fragmentation – syncretism at a new level of language development. The author characterizes some major stages in the process of syncretic meaning modification. They occur simultaneously with the shifts in particular phases in the development of thinking. It is noted that in the most ancient period the original semantic syncretism was “compressed” to a flat state in the meaning of the etymon (syncretic word), indivisibly indicating a number of concepts. The transformation of semantic syncretism through the narrowing-concretization of the syncretic meaning is presented simultaneously with the expansion of its lexical expression with the help of minimal units of the Old Russian text (syncretemes) based on metonymy. The paper introduces the examples of original syncretism fragmentation through the intensive formation of derivatives from the invariant etymon and the gradual assigning them some components of the originally syncretic meaning. The cases of “stretching” the original syncretic syncretemes are considered. New types of semantic syncretism are shown to arise at the new level of language development. Furthermore, a modern transformation of syncretic units is observed. Syncretism is proved to be a fundamental ontological condition for the evolutionary stability in the lexical system of a language.

Key words: semantic syncretism, syncretsemia, lexical system, diachrony, semantic development.

Citation. Pimenova M. Vas. Semantic Syncretism as a Regulator of Dynamic Stability in the Lexical System of a Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 109-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК РЕГУЛЯТОР ДИНАМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Марина Васильевна Пименова

Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация. Задача статьи состоит в установлении специфики исторической эволюции лексико-семантической системы русского языка в связи с развитием недостаточно изученного явления формально-содержательной языковой асимметрии – синкретизма. Продемонстрирована отражающая «неразрешимый» семантический синкретизм языковая природа особой лексико-семантической категории (синкретсемии). Высказано сомнение в правильности подаваемой историками языка как аксиома «прямолинейной» модели семантической эволюции. Утверждается, что синкретизм предопределяет развитие лексического значения по «спирали»: синкретизм – его трансформация / расчленение – синкретизм на новом уровне развития языка. Охарактеризованы основные этапы изменения синкретичного значения, происходящие параллельно со сменой отдельных фаз в развитии мышления. Отмечено, что в древнейший период исконный семантический синкретизм «сжат» до плоского состояния в значении этимона (слова-синкреты), нерасчлененно указывающего на целый ряд понятий. Описана трансформация семантического синкретизма через сужение-конкретизацию синкретичного значения одновременно с расширением его лексического выражения при помощи основанных на метонимии минимальных единиц древнерусского текста (синкретем). Приведены примеры расчленения исконного синкретизма путем интенсивного образования производных слов от этимона-инварианта и постепенного закрепления за ними того или иного компонента первоначально синкретичного значения. Рассмотрены случаи «растяжения» исконных синкретичных синкретем. Показано, что на новом уровне развития языка возникают новые виды семантического синкретизма, а также наблюдается современная трансформация синкретичных единиц. Сделан вывод о том, что синкретизм представляет собой фундаментальное онтологическое условие эволюционной устойчивости лексической системы языка.

Ключевые слова: семантический синкретизм, синкретсемия, лексическая система, диахрония, семантическое развитие.

Цитирование. Пименова М. Вас. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.– 2024. – Т. 23, № 6. – С. 109–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.8>

Введение

В гуманитарных науках для термина **синкретизм** (греч. *συνκρητισμός* – ‘нерасчлененность’, ‘связывание’) предлагаются самые разные дефиниции, сводящиеся, на наш взгляд, к двум основным значениям: «1) смешение / слияние первоначально независимых друг от друга явлений / разнородных элементов; 2) исконная нерасчлененность характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления» [Пименова, 2011, с. 19–20].

В лингвистических словарях данный термин характеризуется чаще всего в рамках первого значения, что объясняется, как мы полагаем, достаточно хорошей изученностью проявлений лингвистического синкретизма на синхронном грамматическом уровне (Н.Н. Дурново,

Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, Л. Ельмслев, А.М. Пешковский, А. Мартине, М. Мамудян, Г. Стамп, Г. Мюллер, М. Баерман, Д. Браун, Г.Г. Корбет, В.В. Виноградов, М.А. Гемплер, В.В. Бабайцева, В.А. Плунгян, Л.Д. Чеснокова, В.И. Фурашов, Т.Е. Аношкина, И.В. Артюшков, А.Я. Баудер, В.А. Береснева, Л.В. Бортэ, А.С. Бочкарева, Е.Н. Варюшенкова, Е.М. Виноградова, И.В. Высоцкая, Т.Ф. Глебская, Н.Э. Готовщикова, Т.П. Гуськова, Г.Г. Инфантова, А.А. Калинина, Т.В. Колесникова, Г.Н. Кондратьева, В.В. Кузмичев, Ю.И. Леденев, В.И. Леднева, Л.М. Меликова, А.Н. Наумович, Н.А. Николаина, О.В. Семенова, Т.М. Смоленская, М.А. Со рокина, Г.Д. Фигуровская, Е.В. Януш и др.).

Приведем в качестве примера дефиницию В.В. Бабайцевой: синкретизм – «совпаде-

ние в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме... совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [Бабайцева, 1990, с. 446]. Лучше всего семантический синкретизм исследован в сфере синтаксиса, что подтверждается, например, обсуждением применения понятия *синкретичные второстепенные члены предложения* не только в научно-вузовской, но и в школьной практике [Гаврилова, 2018, с. 51–54].

В.И. Фурашов в статье «О синкретизме и смежных явлениях» подчеркивает важность введенных еще Л. Ельмслевом понятий *разрешимого* и *неразрешимого* синкретизма, на противопоставлении которых построена шкала переходных явлений В.В. Бабацевой и атрибутивной валентности В.И. Фурашова. Ср.: (шкала В.В. Бабацевой) $A - Ab - AB - aB - B$ [Бабайцева, 2000, с. 133]; (шкала В.И. Фурашова, в которой цифровая индексация условно указывает на количество тех или иных дифференциальных признаков) $a_4 - a_3v_1 - a_2v_2 - a_1v_3 - v_4$ [Фурашов, 2010, с. 43]. В данных схемах «крайние» члены указывают на типичные единицы, например, типичное определение *книжная торговля* – A , a_4 , типичное дополнение *торговать книгами* – B , v_4 ; вторые от «края» – на «разрешимый» синкретизм, например, *дом отца* (ср.: *отцовский дом*) – Ab , a_3v_1 , *выполнение задания* (ср.: *выполнить задание*) – aB , a_1v_3 ; центральные (срединные) члены схемы обозначают зону семантического «неразрешимого» синкретизма (50 : 50) – AB , a_2v_2 , например, синкретичный член предложения *торговля книгами* (определение + дополнение, ср.: *книжная торговля + торговать книгами*) [Фурашов, 2010, с. 53–54].

На наш взгляд, на лексическом уровне явления «неразрешимого» семантического синкретизма образуют особую лексико-семантическую категорию, которую мы предложили обозначать термином **синкретсемия** («нерасчлененность значений») [Пименова, 2007, с. 44], включая его в имеющийся терминологический ряд наименований семасио-

логических категорий (ср.: *моносемия* – «однозначность», *полисемия* – «многозначность», *эврисемия* – «широкозначность», *энантисемия* – «противоположность значений»). В связи с фиксирующимися явлениями лексико-семантического синкретизма мы выделяем, во-первых, **«содержательную» синкретсемию**, при которой один знак выражает нерасчлененное значение, связанное с двумя / более сигнификатами и/или денотатами, во-вторых, **«формальную»**, предполагающую наличие двух и более нерасчлененных знаков, выражающих одно значение, связанное с одним сигнификатом и одним денотатом, в-третьих, **«формально-содержательную»**, при которой выражающие одно синкретичное значение два и более означающих связаны с двумя / несколькими сигнификатами и денотатами [Пименова, 2011, с. 31–41].

Второй подход / значение термина (*синкретизм* – «исконная нерасчлененность»), не представлен в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях, хотя термин *семантический синкретизм* активно используется в диахронических исследованиях при изучении особенностей древнего и диалектного слова (А.А. Потебня, А.А. Веселовский, Б.А. Ларин, Л.С. Ковтун, О.Н. Трубочев, С.Д. Кацнельсон, В.В. Колесов, Р. Пиккио, О.А. Черепанова, С.А. Аверина, М.А. Венгранович, Д.Г. Демидов, Е.И. Зиновьева, Б.В. Кунавин, В.В. Левицкий, В.Д. Петрова, О.А. Радутная, М.Д. Харламова, Л.Г. Яцкевич и др.).

Данная статья ставит своей целью рассмотреть явление *семантического синкретизма* как важнейшего фактора языкового развития, обеспечивающего регулирование динамической устойчивости лексической системы языка.

Результаты и обсуждение

Семантический синкретизм и модель развития лексического значения

Наличие семантического синкретизма на лексико-семантическом уровне, к сожалению, фактически не учитывается в историко-семасиологических исследованиях. На наш взгляд, это связано с имплицитно присутствующим в научных трудах и лексикографиче-

ческих изданиях представлением о дискретной и симметричной организации лексических значений, что в большинстве работ историков языка отражается в подаваемой как аксиома «прямолинейной» модели развития значения. Данная модель, по мнению исследователей, предполагает развитие лексического значения, например, «от простого к сложному» [Кузьмин, 2003, с. 16; Мохаммад, 2014, с. 27–28], «от прямого значения к переносному» [Звегинцев, 1957, с. 222; Лукина, 1966, с. 5–7], «от конкретного к абстрактному/отвлеченному» [Будагов, 2004, с. 14; Мурьянов, 1978, с. 109; Николаев, 1987, с. 59–60; Черемисина, 2000, с. 182, 192; Шрамм, 1979, с. 110], «от нейтральных значений к оценочным» [Петрова, 1983, с. 36], «от дескриптивного значения к оценочному» [Чернякова, 1991, с. 74], «от материального к духовному» [Киынова, 2014, с. 57 и сл.], «от низкого к высокому» [Малыгина, 2015, с. 60–61] и т.д. А.А. Потеня, рассматривая подобный подход (предполагающий, что развитие значения происходит «от прозаического к образному и поэтичному» [Потеня, 1968, с. 217]), отмечает, что данный взгляд – это «...взгляд потомка, которому свой образ мысли, своя обстановка кажутся так естественны, что уровень мысли и обычая предков он готов считать (и действительно считает, как некоторые ученые – мифы) неправильным, болезненным отклонением от этой естественности» [Потеня, 1968, с. 217].

Необходимо отметить, что данную «прямолинейную» модель не подтверждают языковые факты, свидетельствующие о наличии в диахронии семантического синкретизма, представленного в трудах исследователей под различными терминологическими определениями, например, *первозданное слово, первобытное имя, исконный семантический синкретизм слова, единое недифференцированное образное имя, недифференцированный этимон, синкретическое слово, первично диффузное слово, слитность предметности и качественности, обобщенно-семантический синкретизм фольклорного слова, смысловой «сгусток»* и др. (А.Н. Афанасьев, А.А. Потеня, Л.С. Ковтун, Б.А. Ларин, О.Н. Трубачев, С.Д. Кацнельсон, В.В. Колесов, О.И. Смирнова, Н.В. Феоктистова, О.А. Радутная, Е.М. Маркова, О.П. Лопутько, С.В. Кезина, М.А. Венгранович и др.) (см. также [Пименова, 2007, с. 39–40]).

В связи с наличием исконного семантического синкретизма и в соответствии с базовым законом эволюции (законом отрицания отрицания) модель развития лексического значения может быть представлена, по нашему мнению, как движение по условной спирали: 1) **синкретизм** → 2) **расчленение синкретизма** → 3) **синкретизм** (на новом уровне развития языка) → 4) **расчленение синкретизма** и т.д. (а не по прямой линии «от простого к сложному» и т.п.)

Исконный семантический синкретизм

В древнейший период развития языка спираль-пружина «сжата» до плоского состояния в *этимоне* (или *слове-синкрете* – термин В.В. Колесова [Колесов, 1991, с. 43]), содержащем в себе генетически связанные компоненты неразрывного синкретического значения (конкретный – абстрактный, прямой – переносный, дескриптивный – аксиологический) и представляющем «содержательную», или сигнификативную, синкретсемию. Данное явление подтверждается множественной этимологией (Сравн. сл., с. 6) и многообразием символических ассоциаций в народных представлениях.

Так, по мнению О.Н. Трубачева, славянское и.-е. отглагольное имя **krasa* восходит одновременно к двум праславянским глаголам: 1) **krēsiti* ('воскрешать', 'оживлять', 'освежать'); 2) **kresati* ('высекать искру', 'создавать огонь') (ЭССЯ, с. 95–97). В народной поэзии славян понятие *krasa* ассоциируется с целым рядом мелиоративных признаков, восходящих к природному возобновлению и поддержанию жизни: 'цветение', 'свежесть', 'весна', 'молодость', 'красота', 'огонь', 'веселье' и др. [Потеня, 1914, с. 35–36].

Этимон **svēt-/svēt-* этимологи связывают одновременно с и.-е. **k'uei-* (ст.-слав. свѣтъ) и и.-е. **kuen-to* (**svēt-*; сват-) (Фасмер, с. 575–576; Черных, с. 145–146), что, как отмечает Ф.И. Буслаев, указывает на семантическую слитность народных представлений о сиянии света и духовной святости [Буслаев, 1848, с. 124–125]. П.А. Флоренский отмечает, что данная слитность представлений отражается в иконописной традиции изображать святых с нимбом сияния вокруг головы [Флоренский, 1989, с. 100, 672]. В славянской

символике *свет* имеет, на первый взгляд, разнородные ассоциации: с одной стороны, 'цветение жизни', 'любовь', 'веселье', 'красота', а с другой – 'святость', 'праведность', 'истинность', 'миропорядок' [Потебня, 1914, с. 28–33].

Исследователи в качестве примеров единиц с синкретичным значением, указывают на слова-символы, имеющие «все свойства художественного произведения» [Потебня, 1976, с. 196], хранящиеся «в устной памяти коллектива» [Лотман, 1992, с. 192] и являющиеся «ключевыми словами» («словами-ключами») или «культурными словами» (Kulturwörter), характерными для социума в ту или иную эпоху [Ельмслев, 1962, с. 136]. О.Н. Трубачев относит к таким словам, например, слав. *svojb, др.-инд. *ṛtá-* ('универсальный космический закон', 'всеобщая истина', 'мировой порядок') [Трубачев, 2003, с. 177–179]. Л.Н. Столович – библ. *tob* ('прекрасное', 'хорошее') и *tif'ereth* ('великолепие', 'краса', 'блеск', 'венец славы') [Столович, 1994, с. 13]. В.В. Колесов – «любое общее слово Писания или народной поэтики», в которых всего труднее заметить несовпадение «со значениями соответствующих слов современного языка» (таких, например, как *душа, правда, добро, солнце, Бог* и др.) [Колесов, 1990, с. 28].

В период Древней Руси, судя по наблюдениям историков языка, синкретичными единицами являются слова с широким, «универсальным», значением [Соколовская, 1971; Смирнова, 1966, с. 56; Михайловская, 1980, с. 9], среди которых, как показывает и наш материал, обозначения мелиоративной и пейоративной оценки (<+> *благыи, благовидныи, благовонныи, благокрасныи, благооуханныи, блаженныи, божьствьныи, велии, веселыи, дивныи, добрыи, дюжши, здоровыи, красьныи, крѣпкши, лагодьныи, льпыи, лучши, нарочитыи, нарядьныи, преподобьныи, пьрвыи, свѣтлыи, свѣтныи, славныи, сулгыи, хитрыи, хорошии, чистыи; <-> безбожьствьныи, бѣсовьскыи, вражши, гнусныи, гнѣвныи, грубыи, дряхлыи, дѣмоньскыи, жестокыи, зьлыи, лихыи, лукавыи, лютыи, мьрзскыи, печалныи, сквѣрныи, слабыи, страшныи, супостатьныи, тьмьныи, ужасныи, унылыи, худыи, чуждыи, чьрныи* и др., а также производные с этими корневыми элементами [Пименова, 2007, с. 212–331].

Трансформация семантического синкретизма

В древнерусский период в процессе эволюции языка, связанной со сменой концептуальных форм ментальности, происходит постепенное растяжение семантической «пружины», выражающееся, с одной стороны, в сужении / конкретизации означаемого (синкретичного значения), с другой стороны, в расширении означаемого (лексического выражения значения). В возникающих в результате этого процесса семантически несвободных сочетаниях слов проявляется уже иной тип синкретсемии – «**формальная**» (или **структурно-синтагматическая**) **синкретсемия**, реализующаяся при линейном (одновременном) соотнесении элементов, представляющих собой устойчивую структуру. При данном типе синкретсемии одно значение выражается узуально закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов, представляющими собой минимальные лексические единицы древнерусского текста [Пименова, 2007, с. 50].

В.В. Колесов отмечает, что в древнерусский период развития русского языка основной смысловой единицей «...выступает не самостоятельное (словарное) слово, а целое сочетание из двух-трех слов, словесная формула, построенная на метонимической основе» [Колесов, 2005, с. 14]. Кроме того, «формула-синтагма, а не текст и не слово являлись основным элементом древнерусского литературного языка» [Колесов, 1989, с. 138] и «построение текстов не имело еще творческого характера, это была переработка традиционных текстов на уровне словесных формул (синтагм)» [Колесов, 2019, с. 571].

Термин *формула-синтагма* для обозначения основных смысловых единиц древнерусского языка был обоснован В.В. Колесовым в монографии «Древнерусский литературный язык» (1989) на фоне десятков терминов, предложенных другими исследователями средневековой письменности – В.М. Загребинным, А.Г. Ломовым, А.Н. Робинсоном, А.Т. Хроленко, Р. Пиккио, М.М. Копыленко, А.С. Орловым, И.П. Ереминым, Н.А. Мещерским, О.Ф. Коноваловой, А.И. Генсьорским,

Б.А. Лариным, Д.С. Лихачевым, Л.Я. Костючук, Е.Т. Черкасовой, В.И. Ярцевой и др. (см.: [Колесов, 1989, с. 136–138]).

Опираясь на работы В.В. Колесова, мы для обозначения основных смысловых единиц в диахронии предложили термин **синкретемы** (корень *синкрет-* + суффикс *-ем*), который находится в одном ряду, во-первых, с терминами *синкретизм*, *синкрета*, *синкретсемия*, во-вторых, с терминами, указывающими на минимальные единицы различных языковых уровней (*фонема*, *семема*, *лексема*, *морфема*, *синтаксема* и т. п.). Формула-синтагма (синкретема) обладает синкретичным значением, связанным с *метонимией* [Колесов, 2005, с. 13–14]. Метонимические переносы «по смежности» предопределяют дифференциальные признаки синкретем, отличающие их от основанных на *метафоре* современных фразеологизмов (подробно см.: [Пименова, 2007, с. 50–58]).

Рассмотрим один из частотных видов синкретем – **глагольно-именные синкретемы** типа *възложити чьсть*, *вознести глась*, *избыть болезнь*, *приклонити ухо*, *приносити молитву*, *сътворити мирь*, *творити память*, *цѣловати кръсть* и т.п. Данные синкретемы, регулярно встречающиеся в древнерусских текстах всех жанров, построены по структурной модели «глагол + сущ. в Вин. пад.» и в рамках этой синтагмы выражают синкретичное значение ‘производить действие по значению существительного’. Относительно непродуктивными структурными моделями глагольно-именных синкретем являются «глагол + предлог + сущ. в Вин. пад.» (*въсѣсти на конь*, *въпасти въ грѣхъ*, *возложити на умъ*); «глагол + сущ. в Тв. пад.» (*бити челом*, *украшити иконами*, *костию пасти*,); «глагол + (предлог) + сущ. в Дат. пад.» (*разумети книгам*, *бити по рукамъ*); «глагол + предлог + сущ. в Род. пад.» (*выдавати без суда*, *възнести до облакъ*,); «глагол + предлог + сущ. в П. пад.» (*държати въ оумь*, *говорити в срьдце*) и т. п.

Значительная часть глагольно-именных синкретем связана с особым денотатом, который мы условно определяем как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное). Наличие «раздвоения» становится явным при наличии лексической

единицы с тем же значением, например: *бити челомъ* – *просити*, *взати побѣду* – *побѣдити*, *възложити вънецъ* – *вънчати*, *възложити чьсть* – *чьствовать*, *въпасти въ грѣхъ* – *сѣгрешити*, *въру гѣти* – *върити*, *отворити ворота* – *отворитиса*, *творити молитвы* – *молитиса* и т. п.

Помимо глагольно-именных синкретем, в системе устойчивых древнерусских единиц можно выделить еще несколько видов (подробно см. [Пименова, 2007, с. 50–70]). Синкретемы с **постоянными эпитетами** обозначают денотат, являющийся «идеальным», соответствующим эталонным представлениям о том, каким он должен быть, например: *добрый молодец*, *красна девица*, *красно солнышко*, *белый свет*, *синее море*, *чисто поле* и др. Синкретемы с **устойчивыми книжными атрибутами** называют денотат, обладающий признаком, который выделяет его из однородного ряда и благодаря которому он становится именно этим денотатом / объектом, например: *царствие небесное* – ‘рай’, *правая вѣра* – ‘православие’, *горы великия* – ‘Карпаты’, *воровское время* – ‘ночь’, *злыи съвѣтъникъ* – ‘дьявол’ и т. п. Синкретемы с **парными именованьями** указывают на денотат, который возникает в результате синкретичной парности двух предполагающих друг друга предметов, явлений и т.д., например: *небо и земля* – ‘вселенная’, *день и ночь* – ‘сутки’, *мать и отец* – ‘родители’, *щит и меч* – ‘оружие’, *сѣмо и овамо* – ‘везде’ и т.п. **Однокорневые синкретемы**, или этимологические фигуры, называют количественно и качественно «удвоенный» денотат, существующий только в процессе совершения соответствующего действия (глагол + сущ.: *темень темнеется*, *жити жизнью*, *дѣло дѣлати*, *пѣти пѣсню*, *снится сон* и др.) или же обладающий определенным признаком, утрата которого приводит к исчезновению объекта (прилаг. + сущ.: *младые молодушки*, *светлый свет*, *волюшка вольная*, *диво дивное*, *тьма тьмущая*, *чудо чудное* и т. п.). Синкретемы с **устойчивыми сравненьями** указывают на денотат, уподобляемый «идеальному», выступающему по своей сути в функции постоянного эпитета, например: *яко лебедь белая*, *яко сокол млада*, *яко тать в ноци*, *яко вълци стояще*, *аки звѣзда*, *аки агньць*, *аки звѣри дивии*, *аки нѣкаа ехидна* и т. д.

Расчленение

исконного семантического синкретизма

Начиная с XIV–XV вв. в связи с очередной сменой формы мышления происходит дальнейшее растяжение семантической «пружины», проявляющееся в образовании значительного количества производных единиц от этимона (слова-синкреты), за которыми постепенно закрепляется тот или иной компонент первоначально синкретичного значения (к XVI–XVII вв.), то есть наблюдается полная конкретизация означаемого (расчленение исконного семантического синкретизма и замена сигнификативной синкретсемии моносемией или полисемией) в связи с увеличением объема означаемого (знаков, указывающих на различные компоненты прежде синкретичного значения).

Так, от слова с синкретичным значением *красныи* образованы прилаг. *прѣкрасьныи*, *безкрасьныи*, *некрасьныи*, *красноочервленныи*, *краснообразныи*, *красноличныи*, существительные *бескрасие*, *красница*, *красникъ*, *краснопевец*, *краснослов*, *краснолюбие*, глаголы *краснити*, *краснети*, наречия *красно* и *краснѣ*; от каузатива *красити* – прилагательное *красивыи*, существительное *красьба*, а также префиксальные и префиксально-суффиксальные глагольные формы *украсити(ся)*, *прекрасити(ся)*, *украшати(ся)*, *преукрашевати*, *отъкраситися*, к которым в свою очередь восходят отглагольные существительные *украшение*, *преукрашение*, *неукрашение*; от слова *красота* образовано существительное *некрасота* и прилагательное *красотьныи*, от прилагательного *красавыи* – относительно поздние существительные *красавец* и *красавица* (всего 77 производных) (Срезн., стб. 1315–1318; СлДРЯ, с. 284–288, 290–292; СлРЯ, с. 5, 8, 15–16, 18–19, 22–24; ЭССЯ, с. 99–102).

Кроме того, с XIV–XV вв. прилагательное *красьныи* начинает использоваться в конкретном значении цвета. Исследователи полагают, что наиболее ранним является цветное употребление *красный* в «Хождении Стефана Новгородца» 1347 г. [Суровцева, 1970, с. 97–98]. В памятниках XVI–XVII вв. фиксируется множество производных с корнем *крас-/красн-*, выражающих различные значения

дескриптивного типа. Например: прилагательные *красильный* ('относящийся к крашению, красителям'), *красочный* ('раскрашенный'), *краснобрусничный* ('красный, цвета спелой брусники'), *краснолисий* ('сделанный из меха рыжей лисы'), *красногривый* ('с красновато-рыжей гривой'), *краснокарий* ('карий с особым красноватым оттенком, о цвете глаз'), *подъкрасныи* ('имеющий красноватый цвет, о ловчих птицах'); существительные *красноглазь* ('прозвище человека, имеющего карие глаза особого оттенка'), *красильник* ('красильщик'), *красочник* ('тот, кто готовит краски'), *красность* ('качество, краснота'), *краска* ('красящее вещество', 'цвет, окраска, тон'); глагол *краснѣтися* ('выделяться своим красным цветом') и др. (СлРЯ, с. 15–24). В XVIII в. количество производных с *крас-* увеличивается за счет словосложений с первой частью *красно-* и *красновато-* (всего около 100 производных), например: *красно-/красноватобѣлый*, *краснобокий*, *краснобородой*, *красно-/красноватобурый*, *красноватость*, *красноволосый*, *красновыходящий*, *красногубой*, *красноглазый*, *красногубый*, *красножелтый*, *краснокофейный*, *краснольс*, *красномолочник*, *красноносый*, *красноперка*, *краснописательство*, *красноватоохряной*, *красноватопалевый(-ой)*, *краснопегий*, *краснорозовый*, *краснорыжий*, *красноватостърый*, *красносиний*, *краснотемный*, *красноватофиолетовый*, *красноватосизый*, *красноваточерный*, *красночерноватый*, *краснощекий* и др. (СлРЯ XVIII, с. 234–244).

Производные с корнем *крас-* с XVI–XVII вв. встречаются также в функции гипонима в терминологических словосочетаниях, в которых видовое значение возникает, во-первых, на основе мелиоративного синкретичного значения оценочного типа 'лучший' (например: *красный свѣтъ*, *красная зоря*, *красный мѣсяць*, *красное крыльцо*, *красное окошко*, *красная кожа*, *красный товаръ*, *красная пшеница*, *красный рядъ*, *красная цена*, *красная дичь* и др.); во-вторых, на основе дескриптивно-конкретного цветового признака (например: *красная икра*, *красное вино*, *красная лисица*, *красное масло*, *красные блины*, *красный грибъ*, *красный воскъ*, *красная печать*, *красная мѣдъ*, *красная болъзнь* и т.п.) (СлРЯ, с. 20–21; СлРЯ XVIII, с. 240–241).

В этом случае расчленение исконного семантического синкретизма прилагательного *красьныи* происходит не за счет производных единиц (на эпидигматическом уровне), а при помощи терминологических синкретем (на синтагматическом уровне).

«Растяжение» синкретем

Начиная с XIV–XV вв. происходит постепенное «растяжение» древнерусских синкретем, приводящее к трансформации «формальной» синкретсемии.

Так, синкретемы с эквиполентными парными именованиями преобразуются («растягиваются») в иерархические градуальные триады. Например: *душа и тѣло (и духъ)*, *солнце и луна (и звѣзды)*, *слово и дѣло (и помысль)*. Ср.:

(1) Съсуд божий есть и святому духу жилище бываетъ, от того освещается **душа и тѣло** (Киев.-Печ. Патерик, с. 586);

(2) И тако абие отроча растяше прочее время, по обычаю телеснаго възраста, преуспевая **душею, и тѣлом, и духомъ** (Жит. Серг., с. 22);

(3) И въпраша его царь: «Есть ли у вас **солнце и луна?**» (Суды Солом., с. 72);

(4) Что есть мѣра отъ востока до запада? – **Солнце и луна и звѣзды** (Апокр., с. 142);

(5) **Слово и дѣло** есть вскорѣ (Посл. Вас. Новг., с. 46);

(6) Ни доканчиваль есмь с кимъ иному добра хотѣти болѣ его – **ни дѣломъ, ни словомъ, ни помысломъ** (Посл. митр. Кипр., с. 436).

Однокорневые синкретемы могут «растягиваться» за счет включения в их состав согласованных единиц – прилагательных, местоимений и др. Например:

(7) **Свѣте мои свѣтлыи**, чему помрачился еси? (Пов. Зараз., с. 318);

(8) По отъядении же отпусти и въ своя храмы, приставивъ отроку блюсти, да не отъидеть; повелѣ же и женѣ его **утворитися въ утварь всякую** на прельщение отрока и служити предъ нимъ. <...> Его же видѣвъше отци ти **възрадовашася радостию великою** и ставъше прославиша бога, яко услыша молитву ихъ» (Жит. Феод. Печер., с. 326–328);

(9) В се же лѣто священа бысть церкви свягата Михаила Переяславская Ефрѣмом, митрополитомъ тоя церкви, юже бѣ создалъ велику сущю, бѣ бо прежде в Переяславли митрополю, и пристрою великою пристрою, **украсивъ ю всякою красотою**, церковными сосуды (ПВЛ, с. 220).

(10) Нынѣ же **чюдно и велико видѣние вижду очима моима** (Сказ. Ольг., с. 262).

В «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого наблюдается «растягивание» однокорневой синкретемы путем многократного повторения производных от одного корня (или от двух «переплетающихся» корней), что создает особый риторический стиль «плетения словес». Например: *красота – оукрашахся – преоукрашена – красотоу* (контекст 11); *свѣте – просвѣтитя – свѣтилоу – свѣщюу свѣтящюу – свѣща – свѣтилнику свѣтло освѣщену – просвѣти* (контекст 12); *много – мнози – мнозѣми – многими – единъ (6 раз) – единъ во едино – многа – единъ – единъ воединенъ и уединяся – единъ уединеный, единъ у единого – единъ единого – единъ – единому – единъ – къ единому – мнози – многими* (контекст 13)).

(11) Гдѣ моя **красота** ц(е)рковнаа, иже иногда **оукрашахся**, яко невѣста **преоукрашена** женихоу своему; н(ы)нѣ же по женихѣ плача отложихъ **красотоу** первую (Жит. Стеф., с. 93);

(12) О увы мнѣ, **свѣте** очию моею камо заиде; откоуду же ми **просвѣтитя** лоуча, **свѣтилоу** моему зашедшоу? <...> Иже иногда имѣхъ над главою моею **свѣщюу свѣтящюу**, н(ы)нѣ же **свѣща** оугасе ми <...> О **свѣтилнику свѣтло освѣщену**, иже **просвѣти** пермские люди (Жит. Стеф., с. 94–108);

(13) Коль **много** лѣт **мнози** философи еллинъстии сбирали и составлявали грамоту греческую и едва уставили, **мнозѣми** труды и **многими** времени едва сложили! Пермскую же грамоту **единъ** чернецъ сложилъ, **единъ** составил, **единъ** счинилъ, **единъ** калогерь, **единъ** мних, **един** инокъ, Стефан, глаголю, присно помнимый епископъ. **Единъ во едино** время, а не по **многа** времена и лѣта, якоже и они. Но **единъ** инокъ, **един воединенъ** и **уединяся, единъ уединеный, един у единого** Бога помощи прося, **единъ единого** Бога на помощь призываа, **единъ, единому** Богу моляся и глаголя... И сице **единъ** инокъ, къ **единому** Богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книги перевелъ в малых лѣтех, Богу помагающю ему. А они **мнози** философи – **многими** лѣты седмъ философвъ едва азбуку уставили (Жит. Стеф., с. 65).

В «Похвальном слове Сергию Радонежскому» Епифания Премудрого присутствует количественное «растягивание» / «нанизывание» синкретем с сравнительными оборотами

(всего 38 единиц). Ритор использует синкретемы с устойчивыми сравнениями (*яко свѣтило, яко цвет, яко звезда, яко луча, яко крин* и т. д.), построенными по модели старославянских (ФССЯ, с. 42–47), но «растянутыми» им за счет «авторских» согласованных единиц (контекст (14)).

(14) Сего Богъ проставил есть в Русской земли и на скончание седмыя тысяща; сѣй убо преподобный отец наш провисилъ есть въ стране Русстей, и **яко светило** пресветлое възсия посреди тмы и мрака, и **яко цвет** прекрасный посреди трѣниа и волчца, **яко звезда** незаходимаа, **яко луча**, тайно сияюща и блистающа, и **яко крин** въ юдолии мирских, **яко кадило** благоуханное, **яко яблоко** добровонное, **яко шипок** благоуханный, **яко злато** посреди брѣниа, и **сребро** раждежено, и искушено, и очищено седморицею, **яко камень** честный, и **яко биср** многоценный, **яко измаргад**, и **самфир** пресветлый, **яко финикс** процвете, **яко кипарис** при водах, **яко кедр** иже въ Ливане, **яко маслина** плодовица; **яко араматы** благоуханиа, **яко миро** излианное, **яко сад** благоцветущ, **яко виноград** плодоносен, **яко гроздь** многоплоден, **яко оград** заключен, и **яко врьтоград** затворен, **яко сладкый** запечатленный **источник**, **яко съсуд** избран, **яко алавастр** мира многоценнаго, **яко град** нерушим, **яко стена** неподвижима, **яко забрала** тверда, **яко сон** крепок и верен, **яко основание** церковное, **яко столп** непоколебим, **яко венец** пресветлый, **яко корабль**, исплън богатства духовнаго, **яко земный аггел**, **яко небесный человек** (Жит. Серг., с. 99–100).

В памятниках XVI–XVII вв. наблюдается «скрещивание» производных от двух корней в одной синкретеме, что свидетельствует о дальнейшей трансформации «формальной» синкретсемии. Например: *крас-* и *свѣт-* (контекст 15), *крас-* и *ряд-* (контекст 16), *свѣт-* и *сиј-* (контексты (17), (18)).

(15) И возсия нынѣ столный и преславный град Москва... **красуяся** и **просвѣщаяся** святыми божиими церквами, деревяными же и каменными, яко видимое небо, **красяшеся** и **свѣтяшеся** пестрыми звѣздами **украшено** (Казан. ист., с. 312);

(16) И **урядивъ** разное **украшение** их, и преже повелѣ всѣмъ княземъ и воеводам во град приѣзжати на великую площадь... и **красно наряжася**, по них же среднимъ и обычным воем (Казан. ист., с. 450);

(17) И абие вскоре тишина бысть и **свѣт восия**. И явишася два мужа **свѣтлостию сияюща** (Пов. бел. клобуке, с. 216);

(18) Мѣсто оно **пресвѣтлыми** лучами **осняваемо** бѣ, яко от **трисиятелнаго свѣта** (Сказ. Ольг., с. 280).

Синкретизм

на новом уровне развития языка

В национальную эпоху развития русского языка (с XVII в.) и период современной концептуальной формы русской ментальности [Колесов, 2019, с. 240–245] начинается процесс формирования значения на парадигматическом уровне, который завершается примерно к концу XVIII в. путем складывания системы слов-инвариантов, среди которых синкретичные значения *гиперонимов*, «вбирающие» в свою семантику многочисленные производные донациональной эпохи, например: совр. **красивый** – др.-русск. *красьныи, прѣкрасныи, льгьныи, добрыи, бѣлыи, свѣтлыи, велии, видныи, высоккии, сладкии, тварныи, радостьныи, чистыи, дивныи, хорошии, личныи, хытрыи, чистыи, чудныи* и т.д.; совр. **некрасивый** – др.-русск. *некрасьныи, нелгьныи, зьлыи, худыи, немилорожьый, гнѣвьныи, гноусьныи, гнилыи, страшьныи, сквърныи, мързъкыи, ужасьныи, дряхлыи, унылыи, больныи, слабыи, старыи, щуплыи* и т.п. [Пименова, 2007, с. 222–331, 335].

Современные **доминанты синонимического ряда** также обладают синкретичным значением, «вбирающем» в свою семантику значение синонимов и выражающем его одновременно и нерасчлененно, например: **хороший** («отличающийся положительными качествами, заслуживающий положительной оценки») – *неплохой, недурной, недурственный, славный, ладный, стоящий, мировой, хоть куда, что надо, на большой палец, на ять; плохой* («лишенный положительных качеств, свойств, не удовлетворяющий предъявляемым требованиям, не заслуживающий положительной оценки») – *нехороший, дурной, скверный, дрянной, худой, поганый, паршивый, аховый, никудышный, плѣвый, хреновый; красивый* («совершенный по своей красоте») – *прекрасный, очаровательный, восхитительный, симпатичный, привлекательный, миловидный; некрасивый* («лишенный красоты, привлекательности») – *неприглядный, безобразный, уродливый, невзрачный, непривлекательный, несимпатичный, страшный* (Сл. син., с. 26, 205, 277, 373). На наш взгляд, в данном случае проявляется отличающаяся от синкретизма донациональная

циональной эпохи «нерасчлененность» на новом «витке» спиралеобразного развития языка – «**со-держательная» денотативная синкретсемия**, при которой знак связан с одним сигнификатом, но с несколькими/многими денотатами. Синкретичность значения **гиперонимов**, связанных с нерасчлененным множеством конкретных денотатов, отражается в лексикографической практике их толкования через слова **видовые (гипонимы)**, например: *мебель* – ‘предметы комнатной обстановки (*столы, стулья, диваны* и т.п.)’, *насекомое* – ‘маленькое беспозвоночное членистоногое животное (*муха, пчела, муравей, клоп* и др.)’ (Ожегов, с. 315, 356).

Образованные путем семантической деривации **метафорические, метонимические, символические** значения относятся, на наш взгляд, к **денотативно-сигнификативной синкретсемии**, поскольку связаны одновременно с двумя сигнификатами и двумя денотатами, например: (**метафора**) *он – лиса* (‘животное’ + ‘хитрый человек’); (**метонимия**) «*три тарелки съел*» (‘вид посуды’ + ‘уха’); (**символ**) *голубь* (‘птица’ + ‘мир’).

«Амальгамные» когнитивно-прагматические (оценочные) значения типа *поезд тащился*: ‘ехал’ + ‘медленно’ и концептуально синкретичные значения имен-концептов типа *благо, добро, правда, истина* и т.д. – см. (Сл. русск. мент.) связаны одновременно с двумя / несколькими сигнификатами (при одном денотате), представляя собой, по нашему мнению, **сигнификативную синкретсемью**, восходящую на новом уровне развития языка к древней **синкрете**.

К древней «**формальной**», или структурно-синтагматической, синкретсемии восходят современные устойчивые единицы, образованные по моделям, например, глагольно-именных синкретем (*держат ответ, идти на контакт, наводить скуку, предаваться воспоминаниям, проходить стажировку, чувствовать беспокойство*), а также синкретем с парными именованиями (*базар-вокзал, белый и пушистый, жив-здоров, супер-пупер, худо-бедно, «Шапки-шляпки», «Плюшки-ватрушки», «Красное & белое»*); с устойчивыми атрибутами (*детский сад, зачетная книжка, средний класс, голубые береты, цветная революция, Красная книга*); однокорневых синкретем (*ад адский, мыло*

мыльное (о сериале), *ужас ужасный, успешный успех*); устойчивых сравнений (*как в аптеке, как на картинке, как мертвому припарки, как на вулкане, как на грех*) и др.

По своей сути к «формальной» синкретсемии относятся также ядерные единицы современной фразеологии – **сращения** (типа *бить баклуши* – ‘бездельничать’), синкретичное значение которых связано с одним сигнификатом и одним денотатом, но выражено узуально закрепленными в языке формами двух (и более) слов. Синкретичное значение **фразеологических единств** (типа *наломать дров* – ‘наделать грубых ошибок’) сохраняет связь со свободным (буквальным) значением (номинальный денотат уподобляется реальному), в связи с чем представляет собой, на наш взгляд, смешанный тип синкретсемии – «**формально-содержательную**», как и синкретичное значение **фразеологических сочетаний** (типа *закадычный друг* – ‘близкий, душевный друг’).

Заключение

В современном русском языке синкретсемия («неразрешимый» семантический синкретизм) бытует вместе с симметричной моносемией (один знак – одно значение) и контекстно «разрешимыми» категориями полисемии и омонимии, «как в земной коре существуют напластования самых различных геологических эпох» [Выготский, 1956, с. 204]. Новые виды семантического синкретизма и трансформация формы / значения имеющихся синкретсемичных единиц возникают за счет характерной для современного сознания **иронии** ($A^{(+)}$ есть $A^{(-)}$), пропитанной, по словам В.В. Колесова, «стёбом и безудержным глумлением» [Колесов, 2021, с. 212], а также путем использования в речи различных форм современной **языковой игры** (*каламбурное* совмещение значений, «*антипословицы*» и т.д.) (см.: [Санников, 2002]; (Сл. антипосл.)).

Синкретизм рассматривается как фундаментальное онтологическое условие эволюции в современной междисциплинарной теории самоорганизации систем – синергетике [Князева, Курдюмов, 2005, с. 149]. Представим связанные с наличием / расчленением семантического синкретизма этапы развития синкретичного значения и эволюции лексической системы языка в виде таблицы.

Этапы развития значения и эволюции лексической системы языка

Stages of meaning development and evolution of the lexical system of the language

Хронологические рамки периода		
«Дописьменная» эпоха – XI–XIV вв.	XV–XVII вв.	XVIII–XXI вв.
Этапы развития синкретичного значения и эволюции лексической системы языка		
1. «Первобытный» семантический синкретизм – <i>этимон / слово-синкрета</i>	3. Расчленение синкретизма – производные единицы <i>словосложение, аффиксация, «растягивание»</i> синкретем	4. Синкретизм на новом уровне развития языка и его трансформация – <i>гипероним / доминанта синонимического ряда, фразеологизмы, каламбур, «антипословицы»</i> и др.
2. Расширение формы и «сужение» (конкретизация) смысла – устойчивые единицы (<i>формулы-синтагмы/синкретемы</i>)		

Несомненно, семантический синкретизм – это условие эволюции / развития и лексической системы языка, идущей «по спирали» и вращающейся по кругу, это естественный регулятор ее динамической устойчивости: «первобытный» семантический синкретизм архаичного слова, его расчленение («разрешение»), возникновение синкретизма на новом уровне развития языка, вновь его расчленение / трансформация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабайцева В. В., 1990. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 446.
- Бабайцева В. В., 2000. Явления переходности в грамматике русского языка. М. : Дрофа. 640 с.
- Будагов Р. А., 2004. Что такое развитие и совершенствование языка? М. : Добросвет-2000. 304 с.
- Буслаев Ф. И., 1848. О влиянии христианства на славянский язык. М. : Унив. тип. 211 с.
- Выготский Л. С., 1956. Избранные психологические исследования. М. : Изд-во АПН РСФСР. 519 с.
- Гаврилова Е. И., 2018. Второстепенные члены предложения в школьном курсе русского языка: аспекты изучения и трудности анализа // Педагогический ИМИДЖ. № 2 (39). С. 48–56.
- Ельмслев Л., 1962. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Изд-во иностр. лит. С. 117–136.
- Звегинцев В. А., 1957. Семасиология. М. : Изд-во МГУ. 321 с.
- Киынова Ж. К., 2014. Славянизмы в русском языке: историко-культурное и семантико-стилистическое своеобразие : дис. ... д-ра филол. наук. М. 350 с.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 296 с.
- Колесов В. В., 1990. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та. С. 16–36.
- Колесов В. В., 1991. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. Вып. 2, № 9. С. 40–49.
- Колесов В. В., 2005. История русского языка. СПб. : Изд-во СПбГУ ; М. : Академия. 672 с.
- Колесов В. В., 2019. Основы концептологии. СПб. : Златоуст. 776 с.
- Колесов В. В., 2021. Концептуальное поле русского сознания. СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та. 612 с.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П., 2005. Основания синергетики: синергетическое мировидение. М. : URSS : Ленанд. 238 с.
- Кузьмин И. В., 2003. История лексико-семантических групп количественных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 202 с.
- Лукина Г. Н., 1966. Прилагательные с первичным значением вкусового признака в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М. : Наука. С. 5–18.
- Лотман Ю. М., 1992. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культур. Таллин : Александра. 479 с.
- Малыгина Г. Е., 2015. Содержание и семантическая структура концепта ‘ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ’ в текстах книг Ветхого Завета : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 180 с.
- Михайловская Н. Г., 1980. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного

- языка XI–XIV вв.: нормативный аспект. М.: Наука. 253 с.
- Мохаммад М. суте, 2014. Предложно-падежные конструкции с предлогом «от» в современном русском языке: структурно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 189 с.
- Мурьянов М. Ф., 1978. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы языкознания. № 5. С. 93–109.
- Николаев Г. А., 1987. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. 152 с.
- Петрова З. М., 1983. Развитие лексического состава русского языка XVIII в.: (Имена прилагательные): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л. 40 с.
- Пименова М. Вас., 2007. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Изд-во СПбГУ; Владимир: Изд-во Владимир. гос. пед. ун-та. 415 с.
- Пименова М. Вас., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Потебня А. А., 1914. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков: Изд. М. В. Потебня. 243 с.
- Потебня А. А., 1968. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение. 551 с.
- Потебня А. А., 1976. Эстетика и поэтика. М.: Искусство. 614 с.
- Санников В. З., 2002. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. слав. культур. 552 с.
- Соколовская Ж. П., 1971. Имена прилагательные со значением обобщенно-положительной оценки в древнерусском языке // Материалы научной конференции. Кишинев: Изд-во Молдав. гос. ун-та. С. 226–227.
- Смирнова О. И., 1966. Один случай энантиосемии // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М.: Наука. С. 56–67.
- Столович Л. Н., 1994. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика. 464 с.
- Суровцева М. А., 1970. Развитие цветового значения слова *красный* // Русский язык в школе. № 3. С. 97–100.
- Трубачев О. Н., 2003. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука. 489 с.
- Флоренский П. А., 1989. Собрание сочинений. Т. 4. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Париж: YMCA-Press. 814 с.
- Фурашов В. И., 2010. Современный русский синтаксис. Владимир: Изд-во Владимир. гос. гуманит. ун-та. 368 с.
- Черемисина Н. В., 2000. О путях изменения значений слов и некоторых лексико-семантических законах в диахронии языка // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та. С. 175–192.
- Чернякова Т. А., 1991. Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных) // Славянская филология. Имя и глагол в исторической перспективе. Рига: Изд-во Латвийского ун-та. С. 72–81.
- Шрамм А. Н., 1979. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ. 134 с.

ИСТОЧНИКИ

- Апокр.* – Апокрифы // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 136–176.
- Жит. Сергия* – Жизнь и житие Сергия Радонежского. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
- Жит. Стеф.* – Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / издание Археографической комиссии. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1897. 112 с.
- Жит. Феод. Печер.* – Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 304–391.
- Казан. ист.* – Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985. С. 300–565.
- Киев.-Печ. Патерик* – Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 412–623.
- ПВЛ* – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 23–277.
- Пов. бел. клобуке* – Повесть о новгородском белом клобуке // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985. С. 198–233.
- Пов. Зараз.* – Повести о Николе Заразском // Труды отдела Древнерусской литературы Т. 7. М.; Л.: Наука, 1949. С. 257–406.
- Посл. Вас. Новг.* – Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Худож. лит., 1981. С. 42–46.

- Посл. митр. Кипр.* – Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М. : Худож. лит., 1981. С. 430–448.
- Сказ. Ольг.* – Сказание о княгине Ольге // Памятники литературы Древней Руси. Сер. XVI века. М. : Худож. лит., 1985. С. 248–287.
- Сл. пл. Иг.* – Слово о полку Игореве: историко-литературный очерк. 2-е изд. М. : Просвещение, 1982. 176 с., ил.
- Суды Солом.* – Суды Соломона // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М. : Худож. лит., 1981. С. 66–94.

СЛОВАРИ

- Ожегов* – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1978. 846 с.
- Сл. антипосл.* – Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб. : Нева, 2005. 573 с.
- СлДРЯ* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4. М. : Рус. яз., 1991. 559 с.
- Сл. русск. мент.* – Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1. 592 с. ; Т. 2. 592 с.
- СлРЯ* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Наука, 1981. 351 с.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб. : Наука, 1998. 256 с.
- Сл. син.* – Словарь синонимов: справочное пособие. Л. : Наука, 1975. 648 с.
- Сравн. сл.* – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М. : ВЛАДОС, 1996. 415 с.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 1. М. : Знак, 2003. 1419 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. СПб. : Терра – Азбука, 1996. 832 с.
- ФССЯ* – Фразеологический словарь славянского языка: проспект. М. ; Магнитогорск : Изд-во ЭЛПИС : Магнитог. гос. ун-та, 2006. 340 с.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 1994. 560 с.
- ЭССЯ* – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 12. М. : Наука, 1985. 186 с.

REFERENCES

- Babaytseva V.V., 1990. Sinkretizm [Syncretism]. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya encyclopedia Publ. 446 p.
- Babaytseva V.V., 2000. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in the Grammar of the Russian Language]. Moscow, Drofa Publ. 640 p.
- Budagov R.A. 2004. *Čto takoe razvitie i sovershenstvovanie yazyka?* [What Is the Development and Improvement of Language?]. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ. 304 p.
- Buslaev F.I., 1848. *O vliyanii khristianstva na slavyanskiy yazyk* [On the Influence of Christianity on the Slavic Language]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 211 p.
- Vygotskiy L.S., 1956. *Izbrannye psikhologičeskie issledovaniya* [Selected Psychological Studies]. Moscow, Izd-vo APN RSFSR. 519 p.
- Gavrilova E.I., 2018. *Vtorostepennye chleny predloženiya v shkolnom kurse russkogo yazyka: aspekty izučeniya i trudnosti analiza* [Secondary Constituents in the School Course of the Russian Language: Aspects of Study and Difficulties of Analysis]. *Pedagogičeskij IMIDZh* [Pedagogical IMAGE], no. 2 (39), pp. 48-56.
- Elmslev L., 1962. *Mozhno li schitat, čto znacheniya slov obrazuyut strukturu?* [Is It Possible to Consider That the Meanings of Words Form a Structure?]. *Novoe v lingvistike. Вып. 2* [New in Linguistics. Iss. 2]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury, pp. 117-136.
- Zvegincev V.A., 1957. *Semasiologiya* [Semasiology]. Moscow, Izd-vo MGU. 321 p.
- Kiyнова Zh.K., 2014. *Slavyanizmy v russkom yazyke: istoriko-kulturnoe i semantiko-stilističeskoe svoeobraziye: dis. ...d-ra filol. nauk* [Slavicisms in the Russian Language: Historical-Cultural and Semantic-Stylistic Originality. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 350 p.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningrad. gos. un-a. 296 p.
- Kolesov V.V., 1990. *Obshchie ponyatiya istoricheskoy stilistiki* [General Concepts of Historical Stylistics]. *Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka* [Historical Stylistics of the Russian Language]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavod. gos. un-ta, pp. 16-36.
- Kolesov V.V., 1991. *Semantičeskij sinkretizm kak kategoriya yazyka* [Semantic Syncretism as a Category of Language]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2* [Bulletin

- of the Leningrad State University. Ser. 2], iss. 2, no. 9, pp. 40-49.
- Kolesov V.V., 2005. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian Language]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, Moscow, Academy Publ. 672 p.
- Kolesov V.V., 2019. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 776 p.
- Kolesov V.V., 2021. *Kontseptualnoe pole russkogo soznaniya* [Conceptual Field of Russian Consciousness]. Saint Petersburg, Izd-vo Ros. gos. ped. un-ta. 612 p.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P., 2005. *Osnovaniya sinergetiki: sinergeticheskoye mirovideniye* [Foundations of Synergetics: Synergetic Worldview]. Moscow, URSS, Lenand Publ. 238 p.
- Kuzmin I.V., 2003. *Istoriya leksiko-semanticheskikh grupp kvantitativnykh i lyuminalnykh prilagatelnykh v russkom yazyke XII–XX vv. v sistemno-yazykovom i funktsionalno-rechevom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk* [History of Lexical-Semantic Groups of Quantitative and Luminal Adjectives in Russian in the 12th – 20th Centuries in Systemic-Linguistic and Functional-Speech Aspects. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 202 p.
- Lukina G.N., 1966. *Prilagatelnye s pervichnym znacheniem vkusovogo priznaka v drevnerusskom yazyke XI–XIV vv.* [Adjectives with the Primary Meaning of a Taste Feature in the Old Russian Language of the 11th – 14th Centuries]. *Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka* [Lexicology and Word Formation of the Old Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-18.
- Lotman Yu.M., 1992. *Izbrannye statyi. T. 1. Statyi po semiotike i tipologii kultur* [Selected Articles. Vol. 1. Articles on Semiotics and Typology of Cultures]. Tallinn, Aleksandra Publ. 479 p.
- Malygina G.E., 2015. *Soderzhanie i semanticheskaya struktura kontsepta ‘TEMPORALNOST’ v tekstakh knig Vekhogo Zaveta: dis. ... kand. filol. nauk* [Content and Semantic Structure of the Concept ‘TEMPORALITY’ in the Texts of the Books of the Old Testament. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 180 p.
- Mikhaylovskaya N.G., 1980. *Sistemnye svyazi v leksike drevnerusskogo knizhno-pismennogo yazyka XI–XIV vv.: normativnyy aspekt* [Systemic Connections in the Vocabulary of the Old Russian Book-Written Language of the 11th – 14th Centuries: Normative Aspect]. Moscow, Nauka Publ. 253 p.
- Mohammad Mohammadian sute, 2014. *Predlozhno-padezhnye konstruksii s predlogom «ot» v sovremennom russkom yazyke: strukturno-semanticheskii aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Prepositional-Case Constructions with the Preposition “ot” in Modern Russian: Structural and Semantic Aspect. Cand. philol. sci. diss]. Nizhniy Novgorod. 189 p.
- Muryanov M.F., 1978. *K interpretatsii staroslavjanskikh tsvetooboznacheniy* [On the Interpretation of Old Slavonic Color Designations]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 93-109.
- Nikolaev G.A., 1987. *Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie: teoreticheskie problemy* [Russian Historical Word Formation: Theoretical Problems]. Kazan, Izd-vo Kazan. gos. un-ta. 152 p.
- Petrova Z.M., 1983. *Razvitie leksicheskogo sostava russkogo yazyka XVIII v. (Imena prilagatelnye): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Development of the Lexical Composition of the Russian Language in the 18th Century. (Adjectives). Dr. philol. sci. abs. diss]. Leningrad. 40 p.
- Pimenova M.Vas., 2007. *Krasotoyu ukrasi: vyrazhenie esteticheskoy otsenki v drevnerusskom tekste* [Krasotoyu ukrasy: Expression of Aesthetic Appreciation in an Ancient Russian Text]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU; Vladimir, Izd-vo Vladimir. gos. ped. un-ta. 415 p.
- Pimenova M.Vas., 2011. *Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proyavlenie formalno-soderzhatelnoy yazykovoy asimmetrii* [Lexical-Semantic Syncretism as a Manifestation of Formal-Substantive Linguistic Asymmetry]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Potebnya A.A., 1914. *O nekotorykh simvolakh v slavyanskoy narodnoy poezii* [About Some Symbols in Slavic Folk Poetry]. Kharkov, Izd-e M.V. Potebnya. 243 p.
- Potebnya A.A., 1968. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 3. Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitelnogo* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 3. On Changing the Meaning and Replacing a Noun]. Moscow, Prosveshhenie Publ. 551 p.
- Potebnya A.A., 1976. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ. 614 p.
- Sannikov V.Z., 2002. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 552 p.
- Sokolovskaya Zh.P., 1971. *Imena prilagatelnye so znacheniem obobshchenno-polozhitelnoy otsenki v drevnerusskom yazyke* [Adjectives with the Meaning of a Generalized Positive Assessment in the Old Russian Language].

- Materialy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of a Scientific Conference]. Kishinev, Izd-vo Moldav. gos. un-ta, pp. 226-227.
- Smirnova O.I., 1966. Odin sluchay enantiosemyi [One Case of Enantiosemy]. *Leksikologiya i slovoobrazovanie drevnerusskogo yazyka* [Lexicology and Word Formation of the Old Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 56-67.
- Stolovich L.N., 1994. *Krasota. Dobro. Istina: ocherk istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Good. Truth: Essay on the History of Aesthetic Axiology]. Moscow, Respublika Publ. 464 p.
- Surovtseva M.A., 1970. Razvitie cvetovogo znacheniya slova "krasnyy" [Development of the Color Meaning of the Word Red]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 3, pp. 97-100.
- Trubachev O.N., 2003. *Etnogenez i kultura drevneyshikh slavyan: lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Most Ancient Slavs: Linguistic Studies]. Moscow, Nauka Publ. 489 p.
- Florenskiy P.A., 1989. *Sobranie sochineniy. T. 4. Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadsati pismakh* [Collected Works. Vol. 4. Pillar and Assertion of Truth: Experience of the Orthodox]. Paris, YMCA-Press. 814 p.
- Furashov V.I., 2010. *Sovremennyy russkiy sintaksis* [Modern Russian Syntax]. Vladimir, Izd-vo Vladimir. gos. gumanit. un-ta. 368 p.
- Cheremisina N.V., 2000. O putyakh izmeneniya znacheniya slov i nekotorykh leksiko-semanticheskikh zakonakh v diakhronii yazyka [On the Ways of Changing the Meanings of Words and Some Lexical-Semantic Laws in the Diachrony of Language]. *Semanticheskie edinitsy russkogo yazyka v diakhronii i sinkhronii* [Semantic Units of the Russian Language in Diachrony and Synchrony]. Kaliningrad, Izd-vo, pp. 175-192.
- Chernyakova T.A., 1991. Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya otsennochnogo znacheniya (na materiale imen prilagatelnykh) [Patterns of Formation and Development of Evaluative Meaning (Based on Adjectives)]. *Slavyanskaya filologiya. Imya i glagol v istoricheskoy perspektive* [Slavic Philology. Name and Verb in Historical Perspective]. Riga, Izd-vo Latviyskogo un-ta, pp. 72-81.
- Shramm A.N., 1979. *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatelnykh (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Essays on the Semantics of Qualitative Adjectives (Based on the Modern Russian Language)]. Leningrad, Izd-vo LGU. 134 p.

SOURCES

- Apokryfy [Apocrypha]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [Written Records of Ancient Russia of the 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 136-176.
- Zhizn i zhitiye Sergiya Radonezhskogo* [Life and Habits of Sergius of Radonezh]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 368 p.
- Zhitie sv. Stefana, episkopa Permskogo, napisannoe Epifaniem Premudrym* [Life of St. Stephen, Bishop of Perm, Written by Epiphanius the Wise]. Saint Petersburg, Typ. Imperat. Academyi nauk, 1897. 112 p.
- Zhitie Feodosiya Pecherskogo* [Life of Theodosius of the Caves]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Nachalo russkoy literatury. XI – nachalo XII veka* [Written Records of Ancient Russia. Beginning of Russian Literature, 11th – Early 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 304-391.
- Kazanskaya istoriya [Kazan History]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 300-565.
- Kievo-Pecherskiy paterik [Kiev-Pechersk Paterik]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [Written Records of Ancient Russia of the 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 412-623.
- Molenie Daniila Zatochnika [The Prayer of Daniil Zatochnik]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XII vek* [Written Records of Ancient Russia of the 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980, pp. 388-399.
- Povest vremennykh let [Tale of Bygone Years]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Nachalo russkoy literatury. XI – nachalo XII veka* [Written Records of Ancient Russia. Beginning of Russian Literature, 11th – Early 12th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 23-277.
- Povest o novgorodskom belom klobuke [Story of the Novgorod White Hood]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Seredina XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 198-233.
- Povesti o Nikole Zarazskom [Stories About Nikola Zarazsky]. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury. T. 7* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1949, pp. 257-406.
- Poslanie Vasiliya Novgorodskogo Feodoru Tverskomu o rae [Basil of Novgorod's Message to Theodore

- of Tver About Paradise]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 42-46.
- Poslanie mitropolita Kipriana igumenam Sergiyu i Feodoru [Message of Metropolitan Cyprian to Hegumens Sergius and Theodore]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 430-448.
- Skazanie o knyagine Olge [Legend of Princess Olga]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Ser. XVI veka* [Written Records of Ancient Russia in the Middle of the 16th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 248-287.
- Slovo o polku Igoreve: istoriko-literaturnyy ocherk* [The Tale of Igor's Campaign: Historical and Literary Essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982. 176 p.
- Sudy Solomona [Courts of Solomon]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIV – seredina XV veka* [Written Records of Ancient Russia 14th – Mid 15th c.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1981, pp. 66-94.
- Zlatoust Publ., 2014, vol. 1. 592 p., vol. 2. 592 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th c.], iss. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 351 p.
- Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th c.] iss. 10. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.
- Slovar sinonimov: spravochnoe posobie* [Dictionary of Synonyms: Reference Guide]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 648 p.
- Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages: Image of the World and the Worlds of Images]. Moscow, VLADOS Publ. 415 p.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t. T. 1* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments: In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Znak Publ., 2003. 1419 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 4 t. T. 3* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols. Vol. 3]. Saint Petersburg, Terra – Azbuka Publ., 1996. 832 p.
- Frazeologicheskyy slovar slavyanskogo yazyka: prospekt* [Phraseological Dictionary of the Slavic Language: Prospect]. Moscow, Magnitogorsk, Izd-vo ELPIS, Magnitogorsk. gos. un-ta, 2006. 340 p.
- Chernyh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 2 t. T. 2* [Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1994. 560 p.
- Etimologicheskyy slovar slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 12* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 12]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 186 p.

DICTIONARIES

- Ozhegov S.I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978. 846 p.
- Walter H., Mokiyenko V. *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Anti-Proverbs of the Russian People]. Saint Petersburg, Neva Publ., 2005. 573 p.
- Avanesov R.I., ed. *Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): V 10 t.* [Dictionary of the Old Russian Language (11th – 14th c.). In 10 Vols.], vol. 4. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1991. 559 p.
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Slovar russkoy mentalnosti: v 2 t.* [Dictionary of Russian Mentality. In 2 Vols.]. Saint Petersburg,

Information About the Author

Marina Vas. Pimenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Gorkogo St, 87, 600000 Vladimir, Russia, prkom@vlsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>

Информация об авторе

Марина Васильевна Пименова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия, prkom@vlsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4117-9273>